

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Елена ЗИНОВЬЕВА

ВИKTOPУ KОНЕЦКОМУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Виктор Конецкий — имя знаковое в нашей отечественной литературе. И тому есть причины. Феномен неизбывного читательского интереса к его произведениям, будь то романтические рассказы, острые путевые очерки, главы романа-странствия «ЗА ДОБРОЙ НАДЕЖДОЙ», точно раскрыл его собрат по перу Валерий Попов: «Появившись в конце пятидесятых — начале шестидесятых, среди сотен официальных писателей тех лет он сразу занял место самого отчаянного, самого резкого, самого неуправляемого. И как наши люди, стосковавшиеся по смелости, по сильному мужскому характеру, уставшие от тягомотины вялого советского эпоса, сразу же влюбились в Конецкого! Думая о причинах оглушительной популярности его, понимаешь: он появился тогда, когда все ждали именно такого, когда он был просто необходим, как глоток морского воздуха после затхлых комнат. И, почувствовав это, он заговорил — за всех, как все в те годы хотели бы говорить — бесстрашно и весело, — но смог это только он».

Виктора Конецкого любили. За то, что в его произведениях отсутствовала надуманность, а были реальные события, реальные люди, реальные географические места: полярные поселки, города, страны. За то, что его герои, люди «действия», делом и проверялись, и, попадая в сложные экстремальные ситуации, будь то столкновение с морской стихией или необходимость трудного нравственного выбора в отношениях с людьми, достойно из них выходили. За то, что в обыденных событиях проступала значимость благородства и доброты, а в рутинной работе находилось место подвигу. А еще — за иронию и юмор, позволяющие трезво оценивать изъяны советского строя, противоречивость и сложность человеческой природы. Со временем юмор стал переходить в откровенный сарказм.

Елена Зиновьева родилась в Ленинграде, окончила Институт культуры им Н. К. Крупской. Работала в Ленинградском комитете по телевидению и радиовещанию. С 2003 года — сотрудник журнала «Нева», постоянный автор рубрик «Дом Зингера», «Книжный остров». Публикуется в журналах и газетах РФ.

Насыщенные реалиями морской жизни, историческими, мемуарными, публицистическими вкраплениями, произведения Конецкого открывали читателям огромный мир, и они ценили это.

Гидрограф и писатель Алексей Мягков определил творческое кредо Конецкого так: «Виктор Конецкий сознательно писал большую картину мира, в котором есть Земля, на Земле — Океан, а в Океане работают люди, и у этих людей есть страна — Россия, со своей прекрасной и трагической историей. И еще есть на свете много народов, стран».

На флоте Виктор Конецкий был фигурой культовой. По воспоминаниям Александра Городницкого, «бывалые старые моряки, с подозрением относящиеся к пишущей братии, гордились не только тем, что ходили с ним на одном борту (таких счастливых не так уж много), а даже мимолетным знакомством». Он был своим, моряком, знал повседневную судовую жизнь и прозу жизни не понаслышке. В его героях, симпатичных и вызывающих неприязнь, флотские узнавали самих себя, ценили за пропитанный могучим корабельным фольклором юмор, без которого на флоте просто не выжить. В трудных морских ситуациях юмор не раз оказывался спасительным якорем. Сам Конецкий считал, что «на Руси есть одно главное богатство — юмор, самоиздевка, смех, беспощадность. Из этих вещей рождается тепло».

Когда-то, в начале морского пути, наблюдая своего первого капитана, Конецкий перенял его правило морской жизни: «Конечно, люди всегда помогут, но если ты пошел в море, знай, что ты должен уметь надеяться только на самого себя. Ты должен знать свое дело и принимать на себя любую ответственность. И когда ты принимаешь на себя ответственность, забудь о том, что кто-то может тебе помочь». Этому правилу писатель следовал всю жизнь. Личная ответственность за доверенных ему людей, за судно, за дело опиралась и на морское товарищество: в условиях риска и опасности братство и взаимовыручка значили много. Он знал: «Моряк тот, кто отвечает не только за самого себя. Моряк должен все время помнить о других».

Размышляя о смелости Конецкого-писателя, Конецкого-человека, В. Попов писал: «Конецкому было чем дышать — за ним была мощь океана, любовь и поддержка моряков, людей мощных и суровых, таких же, как он. За прямоту и честность, за яростный взгляд, видевший насквозь не только врагов, но и друзей, на Конецкого много раз обижались моряки, клялись в ресторанах и кают-компаниях отомстить ему за то, как он изображал их... но потом — прощали, понимая, что лучше, а главное — точнее никто их не изобразит. Им, не шелковым, нужен был такой же и Орфей».

Виктор Викторович Конецкий (6 июня 1929, Ленинград — 30 марта 2002, Санкт-Петербург) писал, опираясь на собственный жизненный опыт. Он всегда помнил суровые испытания в детстве: блокадный Ленинград, из которого после самой тяжелой, первой блокадной зимы в апреле 1942 года был вывезен вместе с матерью и братом по Дороге жизни — льду Ладожского озера. Позже, в 1989 году, он имел право жестко сказать о писателе В. Астафьеве: «...Виктор Петрович совсем с ума сошел. Брякнул тут по телевидению, что нечего было защищать Ленинград, эту „грудку камней“. Человеческая жизнь ему, видите ли, дороже. Меня бы спросил. Если бы немцы тогда вошли в город, я, пацан двенадцати лет, кусался бы и рвал их зубами. Так и Родину можно отдать — человека пожалеть. Только уж какой это будет человек?»

В 1945 году Виктор Конецкий поступил в Ленинградское военно-морское подготовительное училище, а в 1948-м переведен в Первое Балтийское высшее военно-морское училище, в 1952-м окончил его штурманский факультет и был направлен на Северный флот. Он плавал штурманом на аварийно-спасательных судах Северного флота. В течении двенадцати лет участвовал в двенадцати операциях по спасению рыболовных траулеров. В марте 1955 года в должности капитана МРС-823 участвовал в перегоне судов по Северному морскому пути из Петрозаводска до Петропавловска-Камчатского — это был первый в истории переход каравана малых судов в условиях Арктики. Он

прошел путь от четвертого штурмана до капитана дальнего плавания. Работал на торговых, научно-исследовательских и пассажирских судах, побывал в различных районах Мирового океана — от Арктики до Антарктики, в портах разных стран мира, четырнадцать раз прошел Северным морским путем.

В детстве он мечтал стать художником — и оставил нам не только литературные произведения и фильмы, снятые по его сценариям («Путь к причалу», «Полосатый рейс», «Тридцать три»), но и удивительные, яркие, жизнерадостные картины.

И все-таки победило море, ставшее для Конецкого и работой, и любовью, оно подарило ему и богатый колоритный мир его литературных героев. Море он считал таким же серьезным понятием, как земля, смерть, жизнь и любовь, привык думать о море как о разумном существе, достигая в своих мыслях философских глубин: «Любовь к морю — детское чувство. Она не мешает ненавидеть купание. И в этом большой смысл. Нас тянет в огромные пространства вод не потому, что мы водолюбивые существа. Мы можем утонуть даже в бочке дождевой воды. Мы любим не воду, а ощущение свободы, которое дарят моря. Наш плененный дух всегда мечтает о свободе, хотя мы редко даем себе в этом отчет».

К Конецкому прикрепило определение писатель-маринист, потому что он писал о море, о флоте, но это сужает творческий масштаб писателя, ибо он всегда говорил в своих произведениях о серьезных нравственных проблемах. Но море закалило его характер, оно не оставляло лазеек для компромиссов, не терпело словесной фальши, пусть и непреднамеренной. В «Последнем рейсе» он зафиксировал формулу, годную и для морской работы, и для писательства, и для общественного поведения: «Море требует правды, и ничего, кроме правды. Если врешь себе сам — ты погиб, и экипаж твой погиб».

Виктор Конецкий, неподкупный, кристально честный человек, откровенный до резкости, в отличие от закоренелых соцреалистов, «проводников воли партии», писал слишком насмешливо, вольно, зло. И отношения с ленинградскими властями складывались непросто: как наказание за независимость и дерзость — негласные запреты на публикации, на издания книг, а то и препоны для выходов в море. Но он ничего не просил у начальства, за привилегиями или благами в очереди не стоял, а значит, зависел минимально. Лучшим средством для него уйти от нарастающих противоречий был выход в море, к жизни реальной и суровой.

Конецкий осознавал все теневые стороны советской системы, но никогда не помышлял об эмиграции. А Мягков об отношении Конецкого к советской власти пишет так: «Виктор Конецкий — советский писатель. Но не потому, что ему нравился коммунистический режим, а потому, что родился и прожил в СССР, который тогда и был Россией. Как и большинство его сверстников, был в юности советским патриотом. Ведь другой Родины ни у кого из нас не было. Люди искренне желали служить стране и от власти ждали лишь одного — пусть будет меньше лжи и дурости. И пришлось пройти путь мучительного осознания и с горечью признать — никогда власть не станет такой, какой хочется ее видеть. Виктор Конецкий не позволил сделать из себя профессионального оппозиционера. Это закрыло бы ему путь в море и литературу. А еще — он видел, что у многих диссидентов отношение к власти переходит на отношение к России. Грань очень тонка. Виктор Конецкий сумел удержаться на этой грани».

Одним из проблемных вопросов во взаимоотношениях с властью был вопрос цензуры. Против засилья цензуры, которой вроде бы и не было в СССР, В. Конецкий выступал резко. Сегодня многие, воздавая должное смелости и бескомпромиссности В. Конецкого, вспоминают его незапланированное выступление против цензуры в марте 1978 года, когда через день после отчетно-перевыборного собрания Ленинградской писательской организации вновь избранный актив принимал в Смольном первый се-

кретарь Ленинградского обкома партии Г. Романов. Этот демарш перед партийным начальством тогда не поддержал никто, даже самые маститые писатели, — побоялись.

Через двадцать лет, в 1999 году, в беседе главного редактора журнала «Нева» Бориса Никольского с Виктором Конецким, зазвучали горькие ноты разочарования. Закон о печати, точнее, закон о свободе печати, за который боролись оба, не принес желанных результатов: расцвета свободной, яркой, честной литературы не случилось. Вместо этого — торжество пошлости, агрессивная реклама с экрана телевизора, который смотрел уже тяжелобольной писатель. В. Конецкий: «...как человек в основном лежачий, телевизор я включаю часто, и телевидение, должен сказать, не только не помогает жить, оно меня глубоко травмирует... Если я органически не приемлю порнографии, если меня голые женские задницы крупным планом на экране раздражают... не привык я... мне даже трудно употреблять матерные слова, а мне все это навязывают...»

По точному определению А. Мягкова, у самого Конецкого чувство текста было редким. «Он один из первых в нашей литературе показал, что запрещенность темы определяется не только цензурными рамками, но и степенью порядочности писателя, его стыдливостью, брезгливостью. Был в нем нравственный предел, без которого нельзя именоваться русским писателем».

Отношения журнала «Нева» и писателя складывались неровно. Почти на четверть века писателя и журнал развела цензура.

Виктор Конецкий начал печататься в пятидесятые годы прошлого века. Это было счастливое время для молодых талантливых авторов. СССР считался самой читающей страной мира, государственные издательства и толстые литературно-художественные журналы процветали — было где печататься, критика охотно отзывалась на публикации молодых.

Первые рассказы В. Конецкого, «В море» и «Сквозняк», были опубликованы в 1956 году в альманахе «Молодой Ленинград». И почти сразу на выход альманаха откликнулся журнал «Нева». В ноябрьском выпуске 1956 года появилась рецензия Л. Раковского «Разговор о молодых», в которой среди тех авторов, кто вполне справляется с нелегким жанром рассказа, упоминался и Конецкий. Отмечалось и чрезвычайно бережное, любовное отношение писателя к слову как взыскательного художника, который не может мириться с литературным штампом. «Такое пристрастное отношение к слову, такая требовательность, избирательность в языке и стиле делают честь молодому автору», — писал Л. Раковский.

Последовал отзыв в «Неве» и на первую книгу молодого автора, на сборник рассказов «Сквозняк» (1957), после выхода этой книги В. Конецкий был принят в Союз писателей СССР. В мартовском выпуске «Невы» 1958 года в рецензии «Свежий ветер» А. Минчковский писал: «Соленым морским ветром повеяло со страниц этого маленького сборника, студеные волны Баренцева и Белого морей заходили перед глазами. Перед нами прошли бесстрашные советские моряки, побеждающие морозную стихию». Были со стороны автора рецензии и доброжелательные советы, полезные молодому автору.

С 1957 года у Конецкого выходят книга за книгой. Печатают его и в «Неве»: рассказ «Заиндевшие провода», «Повесть о радисте Камушкине», рассказ «Последняя ночь Бандита».

Не забывала о нем и «невская» критика, уже не столь благосклонная к молодому автору, похоже, ориентированная на партийные установки в области литературы. Так, в статье «Формализм: Мифы и факты» В. Назаренко попытался связать творчество Конецкого с формализмом, подвергшимся критике в партийной печати и лично Никиты Сергеевича Хрущева; П. Глинкин в критической статье «Без божества, без вдохновенья...» наиболее уязвимое место молодой советской прозы конца пятидесятых —

начала шестидесятых годов обнаружил в изображении тончайшего из человеческих чувств — любви. «У молодых героев прозы нет времени на любовь, на старую, традиционную любовь минувших времен. Устарело! И в новейшей прозе утверждается коллизия с короткой, стремительной любовью, не то чтобы возникающей с первого взгляда, — это лишь один из необходимых ее элементов, — а любовью наспех, „между делом“». Под разбор попала и повесть Конечного «Завтрашние заботы», вызвавшая вообще бурную полемику в прессе тех лет. Об этой повести писал на страницах журнала «Нева» и В. Акимов («На пути к возмужанию: проза молодых и ее герой»), предлагая молодым, и в частности Конечному, смелее порывать с фетишем «лжеромантики».

Отношения писателя с журналом «Нева» резко оборвались в 1963 году, когда журнал подал на писателя иск в суд с требованием вернуть аванс за рассказ «Невезучий Альфонс», в котором в довольно смешных тонах предстал флотский офицер. Тогдашний главный редактор «Невы» А. Попов отказался печатать рассказ, сочтя после обсуждения на редколлегии, а возможно, и после сигнала из обкома партии, что рукопись порочная. Для Конечного главная проблема заключалась не в авансе, а в праве на писательскую свободу, в противостоянии цензуре. Он не согласился идти на компромисс, и отправился на суд, хотя для моряка заграничавания судебное разбирательство, о котором пришлось бы упоминать в анкетах, «портило» биографию.

Суд Конечный выиграл. Помогло то, что рассказ «Невезучий Альфонс» был опубликован на английском языке в глянцево-м журнале «Советский Союз», издававшемся советским правительством. А еще то, что судьи, незнакомые с литературным творчеством Конечного, совершенно неформально прореагировали, узнав, что он и автор сценария блистательной кинокомедии «Полосатый рейс».

Суд Конечный выиграл, но пока Попов оставался главным редактором, ни одной строчки Конечного в «Неве» не появилось. Б. Никольский такую сверхчуткость Попова, его готовность учитывать исходящее сверху мнение объяснял тем, что совсем недавно за «ненадлежащие» публикации практически разогнали всю редколлегию «Невы» и вынужден был уйти с поста главный редактор Сергей Воронин. Урок редакции преподали суровый.

И все-таки «Нева» не оставляла вниманием В. Конечного. В 1978—1980 годах на его страницах появились большие статьи о прозе Виктора Конечного заведующей отделом критики Рахили Файнберг: «...Уже стал каким-то иным...», «Повести разных лет», «Заботы вчерашние и сегодняшние».

Критик рассматривала творчество писателя объемно, в сопоставлении с произведениями современников и русской классикой. Оценивая произведения Конечного от начала шестидесятых до семидесятых годов, она проследила, какие видоизменения происходили в его прозе, как открывался все новый и новый Конечный.

Менялся жанр: от рассказов и повестей, путевых записок до романа, а затем и до исповедального «романа-странствия» ««ЗА ДОБРОЙ НАДЕЖДОЙ», где расширились рамки собственно биографические и речь шла о странствии по жизни, о движении судьбы и формировании человека.

Все чаще и чаще Конечный, по-прежнему опираясь на реальную жизнь и невыдуманных героев, выступал как мастер развернутых, психологически наполненных портретов далеко не однозначных персонажей.

Строже стала тональность его воспоминаний, жестче взгляд на мир. Наступал иной этап гражданской зрелости. Все отчетливее звучала тема сложного переплетения в жизни тьмы и света, зла и добра. «Многие годы я хранил и лелеял в душе чистое отношение к морю и морской работе. Многие годы мне удавалось вылезать из неизбежной грязи так, чтобы быстро забывать о ней. Я старался помнить о рассветах над океанами, а остальное...» Но в море, как и в жизни, он встречал и прекрасное, и дурное. Столкновение с «неизбежностью грязи» у писателя вызывало не только отвращение и от-

чаяние, но и рождало противодействие и надежду. И рядом с «неизбежной грязью» — корыстью, предательством, равнодушием — он показывал и романтику морской профессии, красоту мира и «восторг души».

Как наиболее сущностную часть произведений Конецкого Р. Файнберг выделяет темы совести и жизненного выбора, совестью продиктованного, которые в разных вариантах возникают уже в ранних произведениях. Персонажи Конецкого существуют по разным нравственным законам и в повседневной жизни, и в профессии. По мысли самого Виктора Конецкого, в русской литературе всегда были герои чести и герои совести, и для писателя было принципиальным показать, что совесть требует не только размышлений, но и действия.

Были в «Неве» и другие публикации, посвященные Конецкому, как правило, доброжелательные.

Вновь на страницах журнала произведения Конецкого стали появляться с 1986 года — другое время, другой главный редактор, Борис Никольский, чьи взгляды совпали со взглядами писателя. Первой публикацией после длительного перерыва (не считая эссе о В. Б. Шкловском 1981 года) стало повествование в письмах «Опять название не придумывается», получившее премию журнала «Нева» за лучшие произведения, опубликованные в 1986 году. С этого времени Виктор Конецкий стал постоянным автором «Невы», в ней публиковалось практически все написанное им за последние годы жизни.

Не обходилось без проблем: несмотря на объявленную гласность, цензура не дремала. Трудности возникли в 1987 году с новой повестью Конецкого «Никто пути пройденного у нас не отберет». По сюжету — история реальная: в 1953 году из Белого моря по Северному морскому пути во Владивосток направляется отряд военных катеров. Кронштадтский цензор запретил писать, что катера присланы «из Белого моря» (военная тайна!), и предложил замену: «из бурного моря». На этот раз редакция и писатель действовали сообща, Виктор Конецкий и заместитель главного редактора «Невы» Евгений Невякин, нивелирующий бурные всплески темпераментного писателя, прошли все кабинеты Главного штаба ВМФ в Москве и добились, что повесть была допущена к печати в авторской редакции.

После этой публикации Виктор Конецкий согласился стать членом редколлегии журнала «Нева», и тогда на его имя очень часто приходили толстые бандероли, пухлые почтовые конверты с рассказами-исповедями, с изложенными на тетрадных страницах жизненными историями, с впечатлениями от его книг.

Знаковым стало появление в «Неве» беседы писателя и главного редактора «Невы» Б. Никольского, состоявшейся в 1999 году. Это было время, когда эйфория и надежды конца восьмидесятых уже прошли, наступило время разочарований и горечи. На протяжении долгих лет Конецкий жил с ощущением, что литература — это не только написанные слова и буквы, а в ней есть и нечто мистическое, что передастся читателю. На протяжении долгих лет его книги заряжали читателей энергией преодоления, вдыхали в читателей надежду, теперь он чувствовал себя в духовном тупике и боялся, что та чернота, тот тупик, который он ощущал, незаметно будет распространяться на его читателей. Особенно тяжело Конецкий переживал разорение флота, разворовывание наследия великой морской державы, запустение Северного морского пути.

В некрологе «Памяти Виктора Конецкого» Б. Никольский писал: «У Виктора Конецкого, несмотря на все перипетии и сложности тогдашней жизни, была счастливая писательская судьба: он имел своего читателя, читателя преданного, любящего, верящего именно ему. И он чувствовал, что нужен этим людям. Это была его опора. В нем видели, в нем угадывали честного писателя — вот, наверное, что самое важное. ...Виктор Конецкий из того уходящего поколения писателей, для кого литература была не

ремеслом, а делом жизни, кто еще продолжал верить в силу и значение слова, кто еще продолжал верить, что литература и совесть — понятия нераздельные. И до самых последних своих дней он и сам по-прежнему жил по закону совести, который тогда, много лет назад, заставил его подняться и заговорить о том, о чем другие предпочитали молчать».

Востребовано ли сегодня творчество Конецкого? Актуальны ли в условиях современного «делового» мира волновавшие его вопросы о смысле жизни, совести и свободе, о выборе между правдой и ложью?

В повести «Последний раз в Антверпене» капитан советского судна «Обнинск» в создавшихся тяжелых условиях в заграничном порту обращается за помощью к вахтенному штурману другого советского судна. И получает отказ. «...Пришлось швартоваться к пустому причалу с одним буксиром. Старпом и боцман прыгнули на площадку крана, когда мы навалили скулой на причал, — люди чудом не погибли. И потому эта история стала для меня очень значительной», — говорит рассказчик. Произошла и «очная» ставка со штурманом, отказавшим в помощи. Выяснилось, что рассказчик и штурман говорят на разных языках: «— Вы когда-нибудь слышали слова „морское товарищество“? — При чем здесь товарищество? Здешние швартовщики получают за час работы две тысячи франков. Если бы вы могли уплатить моим людям такие деньги, я бы их незамедлительно поднял. Вы могли им заплатить?» Штурман даже переходит в наступление: «Почему вы рисковали своими людьми, когда отвечали за все бельгийцы?» И рассказчик не смог ему объяснить, что это не капитан рисковал людьми, а сами люди действовали по велению совести и немалую долю в их рискованном поступке сыграло подлое поведение штурмана.

Когда-то, в семидесятые годы, Р. Файнберг назвала поведение штурмана единичным явлением...

И прав А. Мягков, утверждающий, что «флот любил и будет любить Виктора Конецкого даже тогда, когда сменятся поколения моряков». За веру в морское товарищество, необходимое, несмотря на все достижения техники и цивилизации, в суровых условиях плаваний; за то, что в его книгах правдиво запечатлена непростая, иногда трагическая, иногда овеянная романтикой, но всегда такая русская жизнь; за юмор и оптимизм, который помогает не терять надежды в сложных ситуациях.

Виктора Конецкого помнят и чтят. Его имя занесено в Листы памяти «Золотой книги Санкт-Петербурга». Имя Виктора Конецкого украшает борт танкера усиленного ледового класса, спроектированного и построенного специально для транспортировки нефти в рамках проекта «Сахалин-1» и спущенного на воду в 2005 году, и борт морского буксира, вступившего в состав ВМФ РФ в 2014 году.

Много раз прошел Виктор Конецкий дорогами арктических рейсов, не единожды взглянул на проблемы Северного морского пути и обслуживающих его людей глазами своих героев. Сегодня у Северного морского пути начинается новая жизнь. Наверное, Конецкому она бы понравилась. И кажется, пока жив этот удивительный путь и суровая романтика севера будет манить все новые и новые поколения, будут жить и книги Конецкого, заряжая молодых той же энергией преодоления, что и их предшественников.

Конецкий на страницах «Невы»

Заиндевшие провода: Рассказ. 1957, № 1.

Повесть о радисте Камушкине: Повесть. 1962, № 9.

Последняя ночь Бандита: Рассказ. 1963. № 3.

Тут обойдемся без названий...: О В. Б. Шкловском. 1981, № 10.

Опять название не придумывается: Повествование в письмах. 1986, № 4.

- Никто пути пройденного у нас не отберет. 1987, № 5–7.
Париж без праздника: Непутевые заметки. 1989, № 1–2.
Кляксы на старых промокашках. 1996, № 12.
Из зазеркалья: Вокруг и около писем читателей. 1998, № 6.
Огурец навыврез: Рассказ. 1998, № 8.
Столкновение в проливе Актив-Пасс: Повесть. 2001, № 1.

Критика, Конечному посвященная на страницах журнала «Нева»

- Раковский Л. Разговор о молодых. «Молодой Ленинград». Альманах. 1956, № 11.
Минчковский А. Свежий ветер. 1958, № 3.
Назаренко В. «Формализм»: Мифы и факты. 1961, № 11.
Глинкин П. Без божества, без вдохновенья... 1962, № 3.
Власенко А. Сюжет и герои. 1963, № 8.
Акимов В. На пути к возмужанию: Проза молодых и ее герой. 1963, № 10.
Холшевникова Е. Прощаясь с жанром. 1976, № 6.
Файнберг Р. «...Уже стал каким-то иным...». 1978, № 7.
Файнберг Р. Повести разных лет. 1979, № 5.
Файнберг Р. Заботы вчерашние и сегодняшние. 1980, № 3.
Житинский А. Рекомендация: Рассказ. 1983, № 4.
Трофимов Л. Внимание и такт. 1987, № 8.
Глинка М. Человек на коленях. 1989, № 3.
Уходящее поколение: Беседы у камина / Беседа с писателем Б. Никольским. 1999, № 4.
Давыдов А. Давно и недавно. Нева, 2002.

В работе также использована книга «Виктор Конечкий: человек из морского пейзажа: Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету». Автор-составитель Т. Акулова. СПб., 2014.

РЕЦЕНЗИИ

БЕЗ ПРОЗОРЛИВОСТИ – НИКАК

Евсеев Б. Т. Очевидец грядущего. М.: Эксмо, 2018. 544 с. (Странствия души. Проза Бориса Евсеева).

Борис Евсеев привлек читательское и литературно-критическое внимание на рубеже веков необычностью художественного видения. В ряду особенностей его стиля — парадоксальность образов, гротескность, овеществленность поэтического языка, непривычные сочетания реалистических и модернистских элементов. Художественные средства и приемы (метафоры, эпитеты, инверсия, гротеск, поэтическая этимология и т. п.) все чаще и целенаправленней используются им не в функции отклонения от «затертой» семантической или стилистической нормы, а в предметно-номинативной. Переносные значения словно бы обрубаются как излишние, чтобы дать простор самобытному, первородному — подлинному лику вещей в их очищенной от случайных связей сути. Особенно ярко это проявляется в новеллистике, принесшей автору призна-